

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

4-ТОМ ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Людвиг Витгенштейн

Мы с вами продолжаем наш курс современной Западной философии, который строится по мотивам учебника сэра Энтони Кенни. Сегодня мы обращаемся к замечательному австрийскому философу Людвигу Витгенштейну.

Для меня очень примечательно, что сегодня и в следующий раз мы будем говорить именно об австрийских мыслителях. Сегодня о Людвиге Витгенштейне, а в следующий раз о Зигмунде Фрейде и его теории бессознательного.

В качестве эпитафии хочу вспомнить замечательного английского философа Френсиса Бэкона и его учение об идолах или заблуждениях. Таких идолов существуют четыре, но в контексте сегодняшнего разговора нам интересны идолы рыночной площади. Фрэнсис Бэкон говорил, что заблуждения, связанные с языком, возникают из-за того, что любое слово может иметь множество значений. Когда один человек вкладывает один смысл, а другой – совсем иной, возникает непонимание и заблуждение относительно того, о чем говорится.

Витгенштейн заявил о своем философском кредо следующим образом: «Язык – это и есть сама реальность». Также как Шопенгауэр, который говорил: «Мир – это воля и мое представление. Когда исчезаю я, со мной исчезает мир, мой мир». И в этом нет солипсизма. В этом есть какое-то утешение – человек не сожалеет о том, что его не будет, а мир будет продолжаться. Потому что вместе с ним умирает и его мир. Витгенштейн говорит что-то похожее. Язык человека – его реальность. Если мы возьмём простое предложение, «Идёт снег» или «Идёт дождь», в них нет никакого другого смысла, кроме того, что идет дождь или снег. В этой связи показательно такое высказывание Людвиг Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего мира». Помните лингвистическую гипотезу Сепира-Уорфа – «границы моего языка задают границы моего мышления». За пределами слов, которые я употребляю, я ничего понять не могу.

Людвиг Витгенштейн был учеником Бертрانا Рассела. Он органично соединил в творчестве и интерес к языку, и глубокое философствование. И он искал универсальную философскую формулу, для того, чтобы трактовать основные положения математики.

Я рекомендую вам посмотреть замечательный фильм английского режиссера Дерек Дхармена, который был снят в 1993 году в очень необычной театрализованной манере. Он называется «Витгенштейн». Там есть английский юмор, там есть некая странность, интересные образы, необычная символика. Мой взгляд, это эзотерический взгляд нетрадиционного, интересного, оригинального кино на личность Людвиг Витгенштейна. Фильм заканчивается интересной цитатой из Витгенштейна: «Если вопрос задан, на него обязательно должен быть дан ответ». Как бы нам не казалось, что ответа на этот вопрос невозможно получить. Здесь мне вспоминается выражение французского философа Поля Рикёра: «Великий философ – это тот, кто открывает новый способ спрашивать». Философия сильна своими вопросами. Философия решает вопросы бытия, а не быта. В этом ее сила и ее предназначение.

Основная драма идей, которая происходила с Людвигом Витгенштейном, это драма, которая разворачивается на протяжении 30 лет его творчества. Между периодом, когда был написан «Логико-философский трактат» (1921 г.), и временем, когда Витгенштейн закончил свои философские исследования (1953 г.). Вот эти 30 лет.

Главная идея Людвиг Витгенштейна состояла в поиске ясности. Не могу не привести самое знаменитое высказывание Витгенштейна из его «Логико-философского трактата». «То, что может быть сказано – может быть сказано ясно. А то, о чём невозможно говорить, об этом следует молчать». В первой части предложения говорится о том, что мы должны стремиться к ясности наших идей, которые выражаются с помощью слов. Но более интересна вторая часть девиза Витгенштейна. Что имеет ввиду мыслитель? Он имеет ввиду одновременно простую и сложную мысль. Самые важные вещи, которые происходят в нашей жизни, остаются за пределами осмысленного языка. Такие понятия как добро, смысл, зло, любовь... Что имеется ввиду, когда мы говорим «он ее любит»? То, что люди вместе, обнимают друг друга или целуются, значит ли это, что они любят друг друга? Наверное, здесь что-то другое. Очень много значений, много смыслов открывается в том, что мы называем любовью. В чем смысл любви? Или мы говорим «это добрый человек». Что имеется ввиду? Любимая мной Марина Цветаева пишет, как я могу назвать его? «Любовник – это грубо и откровенно, возлюбленный – слишком высокопарно, друг – неопределенно. Безлюбовная страна». Часто в нашем языке нет

слов, которые могут адекватно, ясно, определённо и точно выразить наше состояние, чувства и переживания. И когда мы говорим, что человек не находит слов для того, чтобы выразить свои чувства, это не означает, что у него бедный словарный запас. Это означает, что сам язык не в состоянии это выразить. Великий китаец Лао-цзы заметил: «Кто знает, тот не говорит. Кто говорит, тот не знает». А Редьярд Киплинг писал: «Своим молчанием ты будешь говорить». Что такое с точки зрения эзотерической философии Востока «бессловесное высказывание»? Мы привыкли же считать так, что высказывание – вербальный процесс. Но прикосновение или взгляд – это тоже высказывание.

«Логико-философский трактат» – это произведение, которому уже почти 100 лет. Последующие работы Витгенштейна достаточно сложны для их восприятия в 20 лет. Но некоторые моменты очень важны. Во-первых, Витгенштейн говорит о том, что логика (языком которой стремились выразить и математику, и язык) – это не совсем наука. Потому что она имеет форму, но не имеет содержания. С другой стороны, Людвиг Витгенштейн делает выводы, что наш язык не подходит для рассуждений о ценностях и идеях. О целых направлениях в гуманитарном знании – философии, эстетике, этике, метафизике – невозможно говорить на привычном и известном для нас языке. Витгенштейн говорит, что задача философии – чисто терапевтическая. Задача философии – помочь человеку достичь этой ясности, научить его правильно говорить. Это не риторика, потому что риторика – это алгоритмы речевого поведения, это искусство влиятельной речи. Это отдельная тема.

Невозможно не упомянуть тему интерпретаций, которую поднимал Витгенштейн. Ведь это колоссальное направление – полисеманτικότητα нашего языка. У Витгенштейна есть знаменитый рисунок «утка-кролик». Одно и то же изображение можно интерпретировать и как утку, и как кролика. Этот момент очень любопытный.

Вспоминая Людвиг Витгенштейна, я не могу не добавить (да простит меня сэр Энтони Кенни, потому что он не говорит об этом в IV томе своей книги) несколько слов о таком очень важном и интересном направлении в философии как герменевтика. Слово, которое дает название этому направлению, происходит от имени бога Гермеса, изобретателя языка. Философская герменевтика – это то, что касается интерпретаций, поиска смысла. Потому что с точки зрения современной культурологии, текстом может быть не только то, что написано на бумаге. Текстом может быть музыкальное произведение, картина, фильм. Существовало три мыслителя, которые по-разному видели задачу герменевтики. Это немецкий богослов Фридрих Шлейермахер.

Он считал, что, анализируя текст, наша задача понять, что за человек был автор этого текста. Например, 80% Нового Завета Библии написана апостолом Павлом. С точки зрения герменевтики важно понять, что за личность был апостол Павел. У нас есть произведения Шекспира. Изучая их, важно понять, что за человек был Шекспир. Не скрывался ли кто-то за этим псевдонимом? Версий подлинности этой личности очень много. Точно известно лишь 2 вещи. Что он основал театр «Глобус» и завещал своей жене кровать.

Затем появляется немецкий историк Вильгельм Дильтей. Он расширяет задачу герменевтики через анализ художественной литературы, живописи, музыки. Дильтей говорит: «Мы должны понять не просто личность автора, мы должны распознать культуру, в которой эта личность жила». Изучая библейский текст, мы должны понять культуру, в которой жил апостол Павел. Изучая текст Шекспира, мы должны понять культуру, в которой жил Шекспир.

И наконец, последний философ-герменевтик – Ганс Гадамер. Еще один немец, который предельно расширил и усложнил задачу герменевтики. Он говорил, что перед нами стоит задача не просто понять через текст личность и культуру. Важно открыть через текст новые смыслы». У Гадамера есть совершенно прекрасное произведение «Прометей и трагедия культуры», где он открывает новые смыслы мифа Эсхила о Прометее.

Витгенштейн, конечно же, занимался изучением многообразия реальных смыслов, полисемантикой, экспрессивной лексикой. Это область оказалась настолько бездонной, что через 30 лет после «Логико-философского трактата» в своих философских исследованиях Витгенштейн обратился к обыденному, простому языку. Он понял, что в этом языке существуют игры. Здесь можно вспомнить идею замечательного нидерландского мыслителя Йохана Хейзинга, который писал о *homo ludens* – «человеке играющем». Игра – это суть того, что делает

человек в поэзии, в политике, в философии... Спонтанное творчество – то, что заложено в природе человека. Так вот «языковые игры» – это понятие Людвиг Витгенштейна. К сожалению, он не прояснял этого понятия. Он не давал точного определения, что такое языковая игра. Но вполне очевидно (по аналогии с известным выражением Эрика Берна «игры, в которые играют люди; люди, которые играют в игры»), что это игры языка. И на этих играх строится комическое в культуре.

Я люблю вспоминать исследование психологов 8-10-летней давности. Учёные наблюдали за сленгом людей в возрасте от 12 до 18 лет. Самыми употребляемыми словами в подростковой среде оказались «прикол», «прикинуться», «короче». Отсюда и выражение «ППК», аббревиатура этих трех слов. У многих людей старшего поколения, сленг молодых людей вызывает отторжение. Новая генерация всегда в чём-то ускоряет процессы и ломает стереотипы. Это всегда так. Но с другой стороны, в сленге есть несовершенство. Посредством него невозможно выражать свои чувства и мысли. Можно говорить, что ты делал вчера и что будешь делать сегодня. Но когда дело доходит до того, что ты чувствуешь и что ты думаешь – этих слов явно недостаточно. Поэтому нам нужен литературный язык и другие языковые игры, которые расширяют возможности сознания и делают нашу жизнь интересней.